Л И Н Г В О К У Л Ь Т У Р О Л О Г И Я

УДК 811.161.1

Грибер Юлия Александровна
доктор культурологии, профессор
Смоленский государственный университет
Россия, г. Смоленск
e-mail: y.griber@gmail.com

Griber Yulia Aleksandrovna
Professor, Dr.Sc. (Cultural Studies)
Smolensk State University
Russia, Smolensk
e-mail: y.griber@gmail.com

Ю.А. Грибер

ЗООНИМИЧЕСКИЙ КОД В РУССКИХ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЯХ[1]

Аннотация. Статья посвящена решению актуальной для современной лингвистики цвета задачи инвентаризации средств цветообозначения в современном русском языке. Целью исследования является моделирование системы животных-эталонов цвета. Материалом исследования стали данные психолингвистического онлайн-эксперимента, в котором приняли участие 2457 носителей русского языка в возрасте от 16 до 95 лет (1402 женщины и 1055 мужчин, средний возраст – 41.36 лет). Проведенный анализ перечней зоонимов, которые используются в качестве цветонаименований в социальных группах с различными половыми, возрастными и профессиональными характеристиками, показал, что образы животных наиболее популярны у молодых носителей русского языка в возрасте от 20 до 40 лет. Женщины используют зоонимы в качестве цветонаименований в 4 раза чаще, чем мужчины. Люди без опыта работы с цветом чаще выбирают непривычные для повседневного общения референты по сравнению с профессионалами. Большинство колоративов, производных от названий животных, обозначают сложные для цветонаименования ахроматические тона и светлые оттенки теплых областей цветового пространства – красной, желтой, зеленой. Главным мотивом привлечения зоонимов для описания цвета является оценочность и аксиологичность подобных цветообозначений в этнолингвистически отмеченном пространстве.

Ключевые слова: русский язык, цветонаименование, колоратив, зооним, психолингвистический эксперимент

Y.A. Griber

ZOONYMIC CODE IN RUSSIAN COLOR NAMES

Abstract. The paper is devoted to solving the urgent for the modern linguistics of color problem of inventorying color names in the modern Russian language. The aim of the study is to model the system of animal referents of color names. The material for the study was collected in a psycholinguistic online experiment, which involved 2,457 native Russian speakers aged between 16 and 95 years (1,402 females and 1,055 males, mean age – 41.36 years). The analysis of the lists of animal names (zoonyms), used as color terms in the social groups with different gender, age and occupational characteristics, showed that such color names are most popular among young Russian speakers between the ages of 20 and 40. Women use zoonyms to describe color four times more often than men. People with no experience of work with color, compared to professionals, more often

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09145 «Картография цвета: диагностика развития цветонаименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов».

choose referents, unusual for everyday communication. The majority of color terms derived from animal names denote difficult for color-naming achromatic tones and light shades of warm areas of color space – red, yellow, and green. The main motive for attracting zoonyms to describe color is the evaluativeness and axiological nature of such color designations in an ethnolinguistically marked space.

Keywords: Russian, color naming, color term, zoonym, psycholinguistic experiment

Введение. Основную часть цветонаименований современного русского языка составляют термины, образованные от названий предметов с характерной окраской. По популярности эта группа уступает только основным терминам цвета и составляет почти две трети всех цветонаименований, которые носители русского языка используют, описывая самые разные оттенки [1, с. 64]. Как правило, носители русского языка сравнивают оттенки, которые они хотят назвать, с хорошо знакомыми им элементами ландшафта, природными материалами, растениями, цветами, традиционными продуктами питания, фруктами овощами и ягодами [2; 7; 10].

В основе данного типа восприятия физических объектов и их хроматических свойств лежит метонимический перенос, и значение таких номинаций легко определяется носителем языка на основе его представлений о цвете соответствующего объекта [10]. Согласно имеющимся данным, подобный механизм образования терминов цвета характерен не только для русского языка. Объекты из похожих семантических классов, широко используются для образования цветонаименований и в других языках, как родственных русскому (например, в украинском [4] и польском [5]), так и в совершенно от него далеких (например, в английском [9; 12; 13; 16], немецком [11; 17], шведском [8], египетском [18]).

При этом в разных языках различные категории получают неодинаковую популярность и распространенность. Это во многом связано с тем, что визуальная культура имеет выраженные территориальные особенности, своего рода диалекты, которые В.Дж.Т. Митчел предлагает называть «вернакулярной визуальностью» [14, с. 165–181]. В результате перечень предметов, которые представители определенной культуры используют в качестве референтов при описании цвета, обладает культурно-национальной спецификой.

Носители русского языка достаточно часто передают различные оттенки с помощью зоонимов (слов, обозначающих животных), что, в принципе не удивительно. Ведь, в отличие от человека, тело которого почти бесцветно и выглядит совсем неброско, кожа, чешуя, шерсть и перья животных обладают невероятным количеством различных оттенков и хроматических нюансов (см., напр.: [6, с. 160]).

Продолжая изучение различных категорий и классов объектов в системе цветонаименования современного русского языка [2; 10]), настоящее исследование направлено на то, чтобы смоделировать систему животных эталонов цвета, последовательно решив ряд **задач**: (1) определить качественный и количественный состав животных-эталонов современного русского языка; (2) сравнить этот состав в социальных группах с различными половыми, возрастными и профессиональными характеристиками; (3) построить денотативные карты оттенков, которые носители русского языка обозначают, используя образы животных; (4) на основе сравнительного анализа с данными английского языка установить культурно-национальную специфику выбора и эталонные лакуны (слабую сформированность в русском языке эталонов определенных цветов); (5) проанализировать возможные мотивы выбора животных в качестве эталонов для описания оттенков.

Материалы и метод. Материалом исследования стали данные психолингвистического онлайн-эксперимента, который с 2018–2020 годах проводился на специально созданном сайте (colornaming.com) [1; 10; 15].

Интерфейс эксперимента позволял последовательно показывать участникам на мониторе окрашенные в разные цвета прямоугольные карточки, которые компьютер в случайном порядке выбирал из 606 цветовых стимулов эксперимента. Задача участника заключалась в том, чтобы подобрать наиболее подходящее цветонаименование для оттенка, который он видел, и ввести соответствующий термин с помощью клавиатуры в строке, расположенной на этой же странице ниже. Эксперимент был открытым, и участники могли использовать для описания цвета любые простые и составные слова, словосочетания и целые предложения.

В исследовании приняли участие 2457 человек в возрасте от 16 до 95 лет (1402 женщины и 1055 мужчин, средний возраст – 41.36 лет). Вместе участники эксперимента предоставили более 55911 валидных ответов.

Для удобства последующего анализа, координаты каждого цветового образца были заданы в цветовом пространстве CIELAB. Система CIELAB является международным стандартом, который позволяет описывать любой воспринимаемый в виде трех координат – L*, a* и b*. Первая координата (L*) передает яркость и может меняться от 0 (черный) до 100 (белый). Две другие переменные передают цветность (красно-зеленую (a*) и – сине-желтую (b*) составляющие) и могут принимать положительные и отрицательные значения в диапазоне от -100 до +100. Если значение a* положительное, цвет имеет красноватый оттенок, если отрицательное – зеленоватый. При положительном значении b* цвет расположен в желтой области цветового пространства, при отрицательном – в синей.

Поскольку в трехмерном цветовом пространстве цветовые категории представляют собой не точки, а целые области, которые имеют нечеткие границы и по форме похожи на облака, в ходе анализа данных у каждой из них вычислялся своеобразный «центр тяжести» (центроида) – средние показатели трех координат CIELAB (L*, a*, b*) для всех цветовых образцов с одинаковым именем. Место расположения центроид графически реконструировалось в двух- и трехмерном пространстве CIELAB. Расчет функции расстояния проводился в модели CIELAB по метрикам цветового отличия Delta E*ab и Delta E2000 [1, с. 41].

Для визуализации частотности наиболее популярных цветонаименований использовался онлайн-сервис WordClouds.com.

Результаты и их обсуждение

(1) **Качественный и количественный состав животных-эталонов современного русского языка**. Инвентаризация зоонимов, которые использовались для описания цвета, показала, что носители русского языка часто сравнивают оттенки с перьями птиц (канарейки, чирка, цыплёнка, голубя, дрозда, ворона, фламинго), привлекают образы млекопитающих (мыши, зайца, крысы, медведя, верблюда, норки, поросенка, свиньи, тигра, крота), земноводных и рептилий (лягушки, жабы, крокодила), беспозвоночных (гусеницы, креветки), рыб (лосось) (Рис. 1).

Рис. 1. 20 наиболее популярных зоонимов-референтов цветонаименований русского языка. Размер слова показывает его деривативную продуктивность

Всего в ответах встретилось 156 образованных от названий 23 животных цветонаименований, разных по форме и неодинаковых по популярности.

Небольшая часть цветонаименований (N=6) строилась по модели «цвета X» (*цвета дикого голубя, цвета лосося, цвета молодого поросёнка* и др.). В трети ответов (N=55) цветообозначение просто повторяло название предмета (*фламинго, лосось, заяц, крокодил, лягушка* и др.). Часто такие цветонаименования представляли собой заимствования из английского и воспринимались как «чужеродные» по отношению к лексике русского языка (*кэмел, тауп, сэлмен*). Еще столько же цветонаименований (N=55) имело форму относительного прилагательного, образованного с помощью различных суффиксов от названия объекта-цветоносителя (*цыплячий, верблюжий, вороний, жабий, креветочный и др.*). При этом многие цветонаименования, производные от одного и того же зоонима, сосуществовали сразу в двух или трех возможных формах (ср.: *лосось – цвета лосося – лососевый*), которые по своей семантике являются полными синонимами и могут использоваться в одних и тех же ситуациях, в зависимости от индивидуального выбора носителя языка.

Образованные от названий животных цветонаименования имели неодинаковую популярность (Рис. 2). Наиболее часто встречались цветонаименования в форме прилагательного *лососевый, поросячий, канареечный, мышиный.* Отмеченная связь морфолого-синтаксических характеристик цветовых номинаций с частотностью их употребления характерна и для других семантических классов [10]). Наличие формы прилагательного говорит об освоенности отобъектных цветонаименований языком. Форма прилагательного характерна для цветонаименований, которые давно и часто употребляются в языке. Наоборот, малоупотребительные цветонаименования чаще всего имеют форму существительного.

Большинство цветонаименований, производных от названий животных, имело простую структуру и не использовалось с традиционными для русскоязычных колоративов компонентами *темно-, светло-, бледно-, ярко-, грязно-*.

Рис. 2. 50 наиболее популярных цветонаименований русского языка, производных от названий животных. Размер слова показывает его частотность

(2) **Сравнительный анализ перечней зоонимов в социальных группах с различными половыми, возрастными и профессиональными характеристиками** (Табл. 1) показал, что животные – это преимущественно женская категория объектов-эталонов для описания цвета. Женщины отсылали к образам животных в 4 раза чаще, чем мужчины. При этом они были гораздо более изобретательными в выборе образов: мужчины использовали 8 референтов, женщины – 22.

Кроме гендерных, мы зафиксировали и заметные возрастные различия. Только 4 референта встретились во всех возрастных группах: канарейка, лосось, мышь, поросенок. Самые старшие участники эксперимента (старше 70) для обозначения оттенков обращались исключительно к этим зоонимам и больше никакие другие не использовали. Чаще всего образы животных встречались в ответах молодых участников в возрасте от 20 до 40 лет.

Различались перечни и у представителей разных профессий. Люди без опыта работы с цветом использовали совершенно другой по сравнению с профессионалами набор животных для сравнения. В их списках было больше непривычных для повседневного общения референтов: ворона, гусеница, заяц, креветка, крокодил, крыса, лягушка, норка.

Таблица 1

Животные-референты цветообозначений
в словаре носителей русского языка с разными социальными характеристиками

	Количество форм	Количество референтов	Используются только в одной группе	Используются во всех группах
Пол				
Мужчины	25	8	жаба, крокодил	дрозд, канарейка, лосось, мышь, поросенок, свинья
Женщины	103	22	верблюд (кэмел), ворон, гусеница, дикий голубь, заяц, креветка, крыса, лягушка, медведь, норка, птица, сэлмен, фламинго, цыпленок	
Возраст				
16–19	4	4	медведь	канарейка, лосось, мышь, поросенок
20–29	36	12	дикий голубь, дрозд, заяц, крокодил, крыса, лягушка, птица, фламинго	
30–39	47	12	верблюд (кэмел), ворон, гусеница, креветка, лягушка, норка, фламинго, цыпленок	
40–49	9	6	свинья, фламинго	
50–59	17	5	дрозд	
60–69	11	6	жаба, лягушка	
70+	4	2		
Опыт работы с цветом				
Без опыта	61	14	ворона, гусеница, заяц, креветка, крокодил, крыса, лягушка, норка	канарейка, лосось, мышь, поросенок, свинья, фламинго
С опытом	64	15	верблюд (кэмел), дикий голубь, дрозд, жаба, медведь, птица, цыпленок	

(3) **Денотативные карты оттенков, которые носители русского языка обозначают, используя образы животных.** Анализ денотативных значений цветовых категорий показал, что связываемые с зоонимами цветовые образы часто заметно отличаются от реальных физических характеристик объектов-референтов и приобретают постоянный цвет, которым животные, послужившие прототипами данных терминов, в природе обладают исключительно редко. Так, в окраске тигра (который, по данным нашего эксперимента, используется носителями современного русского языка в качестве референта для описания оттенков) основной цвет шерсти, от желто-ржавого

до красно-бурого с желтоватым оттенком, сочетается с черными и темно-бурыми полосами, которые начинаются на лбу и идут по всему телу, и белой шерстью на нижней части шеи, груди и брюхе [3, с. 43–44]. Однако в языковом сознании современных носителей русского языка это животное связывается со строго определенным оттенком жёлтого цвета и другим просто быть не может. В результате сужения цветовой семы производные от названия определенного животного термины обозначают цветовые образцы, которые располагаются достаточно близко друг к другу в цветовом пространстве CIELAB (Табл. 2).

Таблица 2

Денотативные значения русских цветонаименований, образованных от названий животных: минимальные, максимальные и средние значения L*a*b* координат пространства CIELAB

Показатель	**L***	**a***	**b***
Минимальное значение	10.39	-56.22	-53.74
Максимальное значение	97.14	81.35	94.48
Среднее значение	68.10	20.46	18.83
SD	14.08	27.07	26.87

Подавляющее большинство обнаруженных нами в ходе онлайн-эксперимента колоративов, производных от названий животных, участники использовали для обозначения различных сложных для цветонаименования ахроматических оттенков (колоративы, производные от слов *заяц, дикий голубь, норка, крыса, мышь, ворон*) (рис. 3), а также светлых оттенков (среднее значение показателя светлоты L*=68) теплых областей цветового пространства – красной, желтой, зеленой (рис. 4).

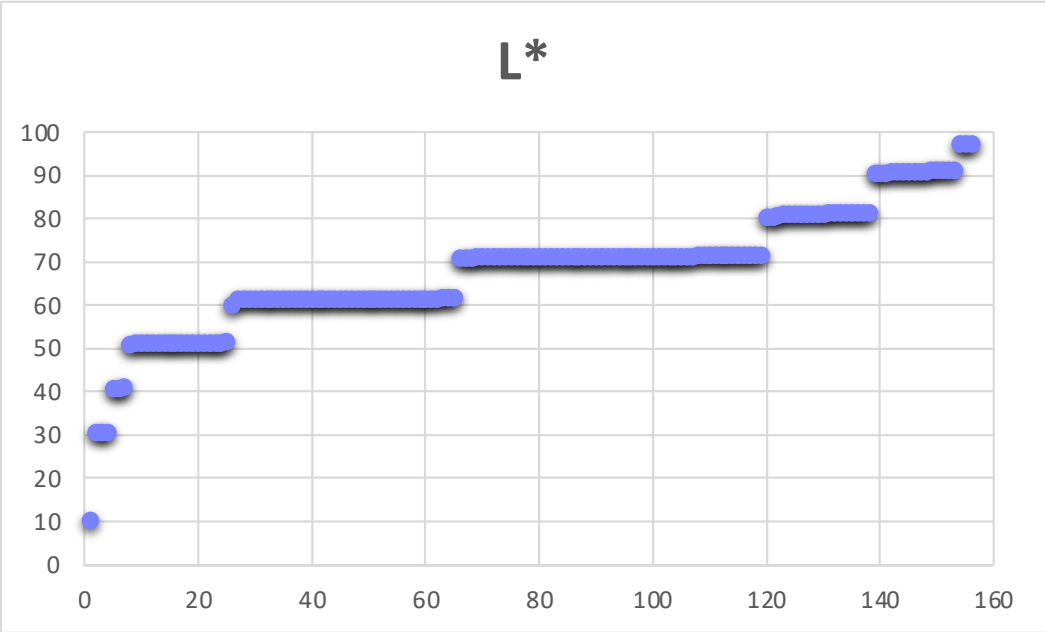

Рис. 3. Светлота (L*) цветовых образцов, связанных с названиями животных, в пространстве CIELAB

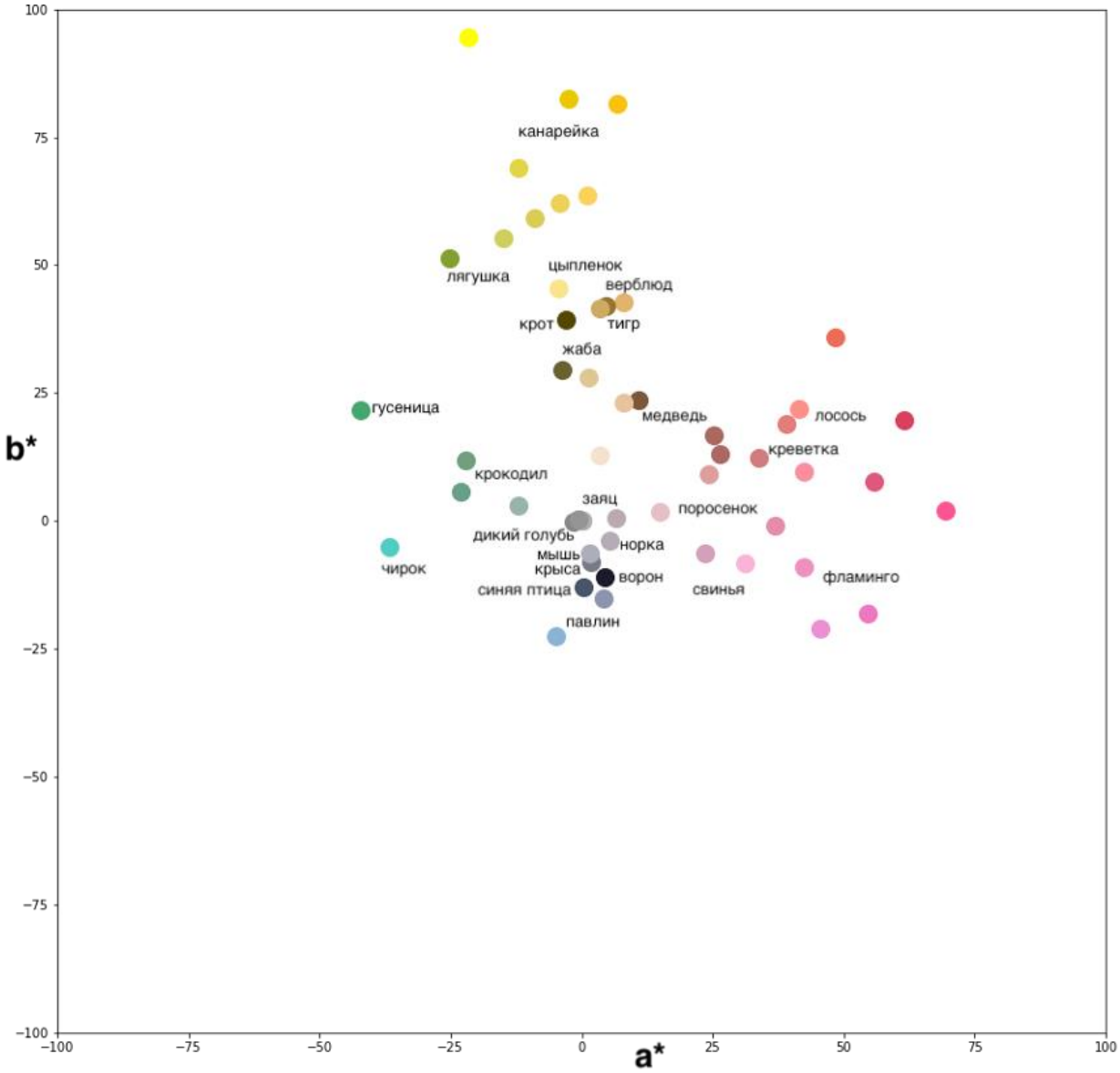

Рис. 4. Денотаты русских цветонаименований, образованных от названий животных; a*b* координаты пространства CIELAB

(4) Эталонные лакуны. Сравнительный анализ с данными английского языка, собранными с помощью той же экспериментальной процедуры [15]), показывает, что носители русского языка подходят к выбору объектов-референтов более творчески. Носители английского языка используют образы животных для описания оттенков гораздо реже (Табл. 3). Кроме того, подавляющее большинство зоонимов является эндемичными референтами – используется носителями одного языка, но не используется носителями другого. По данным нашего эксперимента, общими оказались только 9 цветонаименований, большинство (6) из которых в обоих языках были наиболее употребительными – голубь, канарейка, мышь, поросенок, верблюд и лосось.

Интересно и то, что англичане использовали для описания исключительно образы птиц, рыб и млекопитающих. В списке же носителей русского языка были также беспозвоночные (гусеница, креветка), амфибии и рептилии (крокодил, лягушка, жаба).

При этом одни и те же образы животных использовались для довольно различных по своим хроматическим характеристикам цветовых образцов. Больше всего различались денотативные значения у образов канарейки и голубя. Более одинаковыми по цвету носители английского и русского языка представляли себе мышь и крота [10, с. 972].

Таблица 3

Общие и уникальные животные-референты цветообозначений в словаре носителей русского и английского языка

	Только в русском языке	**Только в английском языке**	**Общие**
Птицы	ворон дрозд птица фламинго цыпленок	petrel ‘буревестник’	dove ‘голубь’ canary ‘канарейка’ peacock ‘павлин’ teal ’чирок‘
Млекопитающие	заяц крыса медведь норка свинья тигр	buffalo (buff) ‘буйвол’ fawn ‘олененок’ fox ‘лиса’ pony ‘пони’	pig ‘поросенок’ camel ‘верблюд’ mouse ‘мышь’ taupe ‘тауп’
Рыбы			salmon ’лосось‘
Беспозвоночные	гусеница креветка		
Амфибии и рептилии	крокодил лягушка жаба		

(5) Мотивы выбора эталонов в наивной картине мира носителей русского языка. Что касается мотивов выбора эталонов, то здесь, прежде всего, бросается в глаза тот факт, что животные – не совсем удобный эталон для описания цвета. Точнее – совершенно неудобный. Ведь эталон – это объект с некими идеальными свойствами, какой-то точный образец определенной единицы измерения (в нашем случае – хроматических свойств). Хроматические свойства объекта-эталона должны быть хорошо знакомы участникам коммуникации и константны.

В случае с животными хроматическая константность наблюдается далеко не всегда. Они покрыты перьями, чешуей, шерстью, и во многих случаях цвета, которые мы видим на крыльях бабочек и жуков, перьях птиц и павлинов – это примеры интерференции и дифракции цвета (см., напр.: [6, с. 165–166]).

Интерференция происходит, когда свет отражается от двух параллельных поверхностей, находящихся на очень близко друг от друга. Мы видим цвета, если расстояние между этими двумя поверхностями попадает в диапазон длин волн видимого света.

Дифракция цветов возникает, когда свет отражается от поверхности с очень тонкими бороздками, расположенными на равных расстояниях, соизмеримых с длиной световых волн, так что волны одной длины отражаются в фазе друг с другом, а других – не в фазе.

Цвета, полученные как интерференцией, так и дифракцией, меняются в зависимости от угла зрения, что придает им интересную динамичность. Такой цвет крайне непостоянен. Однако человек упорно использует животных в качестве эталонов для описания оттенков. А это значит, что зоонимы выполняют в системе цветонаименований совершенно другие функции: они нужны не для того, чтобы точно передать тон, светлоту или яркость оттенка (для этого есть более точные цветонаименования), а для того, чтобы подчеркнуть какие-то особые свойства цвета, которые по-другому выразить невозможно (матовость и блеск, густоту и насыщенность) (ср.: *черный* и *черный как воронье крыл*о).

Выводы

В целом, представленный в статье анализ данных массового обследования современных носителей русского языка, позволяет сделать важные выводы о состоянии класса цветонаименований, образованных от названий животных. Прежде всего, выделить в нем ядро и периферию. Ядро включает традиционные, воспроизводимые из поколения в поколение цветонаименования с высокой частотностью и деривационной продуктивностью (*лососевый*, *поросячий, канареечный, мышиный)*. Периферия организована более свободно и постоянно пополняется за счет включения в качестве новых референтов «рыночных» названий, архаичных (*цвет кожи мокрой лягушки*) или заимствованных из английского (*чирок),* часто – с сохранением их исходной формы (*кэмел*, *тауп*).

Использование животных в качестве цветовых прототипов на современном этапе развития русского языка выполняет сразу несколько важных функций. Эти цветонаименования не просто номинируют трудные для называния цвета, подчеркивая хроматические качества оттенков, которые по сравнению с объектом-прототипом чаще всего значительно преувеличены. Эталонные объекты добавляют в восприятие цвета оценочные моменты, формируют аксиологичность цветообозначения в этнолингвистически отмеченном пространстве. Представление об объекте в этом случае становится своего рода стимулом, возбуждающим в сознании носителя языка целый ряд ассоциаций, которые могут быть положительными, отрицательными или нейтральными, но одновременно являться ассоциациями с некоторым цветом.

Библиографический список

1. Грибер Ю.А. Картография цвета: диагностика развития цветонаименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов. – М.: Согласие, 2021. – 152 с.
2. Грибер Ю.А. Минералогический код в русских цветонаименованиях // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 42–65.
3. Кречмар М. Полосатая кошка, пятнистая кошка. – М.: Бухгалтерия и банки, 2008. – 416 с.
4. Кудря О.А. Лексико-семантическая классификация вторичных цветообозначений в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2015. – № 1. – С. 53–59.
5. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. – М.: Русские словари, 2001. – 472 с.
6. Экстут А., Экстут Дж. Секретный язык цвета. История мира в шести красках. – М.: Бомбора, 2021. – 240 с.

7. Чжан Л. Вещь как эталон цвета: образование неосновных цветонаименований в русском языке // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 146–158.
8. Bergh G. The semiosis of Swedish car color names. Descriptive and amplifying functions // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 337–346.
9. Casson R.W. Russet, rose, and raspberry: The development of English secondary color terms // Journal of Linguistic Anthropology. – 1994. – №. 4. – P. 5–22.
10. Griber Y.A., Paramei G.V., Mylonas D. Objects as Culture-Specific Referents of Color Terms in Russian // Color Research and Application. – 2018. – №43(6). – P. 958–975.
11. Jones W.J. German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. – 677 p.
12. MacDonald L., Mylonas D. Edible color names // Proceedings of the AIC2010 Interim Meeting. Color and Food. – Mar del Plata, Argentina, 2010. – P. 196–199.
13. Matschi M. Color terms in English: Onomasiological and semasiological aspects // Onomasiology Online. – 2004. – № 5. – P. 56–139.
14. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture // Journal of visual culture. – 2002. – № 1(2). – P. 165–181.
15. Mylonas D., MacDonald L. Online colour naming experiment using Munsell colour samples // Proceedings of the 5th European Conference on Colour in Graphics, Imaging, and Vision (CGIV). – Joensuu, Finland: IS&T, Springfield, 2010. – P. 27–32.
16. Steinvall A. English Colour Terms in Context. PhD thesis. – Umeå University, 2002. – 267 p.
17. Stoeva-Holm D. Color terms in fashion // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 421–439.
18. Warburton D.A. Basic color term evolution in light of ancient evidence from the Near East // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 231–248.

References in Roman Script

1. Griber Yu.A. Kartografiya cveta: diagnostika razvitiya cvetonaimenovanij russkogo yazyka s ispol'zovaniem estestvenno-nauchnyx, istoriograficheskix, sociologicheskix i psixologicheskix metodov. – M.: Soglasie, 2021. – 152 s.
2. Griber Yu.A. Mineralogicheskij kod v russkix cvetonaimenovaniyax // Nauchnyj dialog. – 2021. – № 4. – S. 42–65.
3. Krechmar M. Polosataya koshka, pyatnistaya koshka. – M.: Buxgalteriya i banki, 2008. – 416 s.
4. Kudria O.A. Leksiko-semanticheskaya klassifikaciya vtorichnyx cvetooboznachenij v anglijskom i ukrainskom yazykax: lingvokul'turologicheskij aspekt // Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannyj yazyki i metodika ix prepodavaniya. – 2015. – № 1. – S. 53–59.
5. Kul'pina V.G. Lingvistika cveta: Terminy cveta v pol'skom i russkom yazykax. – M.: Russkie slovari, 2001. – 472 s.
6. Eckstut A., Eckstut J. Sekretnyj yazyk cveta. Istoriya mira v shesti kraskax. – M.: Bombora, 2021. – 240 s.
7. Zhang L. Veshh' kak ehtalon cveta: obrazovanie neosnovnyx cvetonaimenovanij v russkom yazyke // Nauchnyj dialog. – 2019. – № 9. – S. 146–158.

8. Bergh G. The semiosis of Swedish car color names. Descriptive and amplifying functions // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 337–346.
9. Casson R.W. Russet, rose, and raspberry: The development of English secondary color terms // Journal of Linguistic Anthropology. – 1994. – №. 4. – P. 5–22.
10. Griber Y.A., Paramei G.V., Mylonas D. Objects as Culture-Specific Referents of Color Terms in Russian // Color Research and Application. – 2018. – №43(6). – P. 958–975.
11. Jones W.J. German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. – 677 p.
12. MacDonald L., Mylonas D. Edible color names // Proceedings of the AIC2010 Interim Meeting. Color and Food. – Mar del Plata, Argentina, 2010. – P. 196–199.
13. Matschi M. Color terms in English: Onomasiological and semasiological aspects // Onomasiology Online. – 2004. – № 5. – P. 56–139.
14. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture // Journal of visual culture. – 2002. – № 1(2). – P. 165–181.
15. Mylonas D., MacDonald L. Online colour naming experiment using Munsell colour samples // Proceedings of the 5th European Conference on Colour in Graphics, Imaging, and Vision (CGIV). – Joensuu, Finland: IS&T, Springfield, 2010. – P. 27–32.
16. Steinvall A. English Colour Terms in Context. PhD thesis. – Umeå University, 2002. – 267 p.
17. Stoeva-Holm D. Color terms in fashion // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 421–439.
18. Warburton D.A. Basic color term evolution in light of ancient evidence from the Near East // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 231–248.

References

1. Griber Yu.A. Colour mapping: investigation of Russian color name development using methods of natural sciences, historiography, social science and psychology. Moscow, Soglasie Publ., 2021, 152 p. (In Russian).
2. Griber Yu.A. Mineralogical code in Russian color names. Nauchnyi dialog, 2021, no. 4, pp. 42–65. (In Russian).
3. Kretschmar M. Striped cat, spotted cat. Moscow: Buxgalteriya i Banki Publ., 2008, 416 p. (In Russian).
4. Kudria O.A. Lexico-semantic classification of secondary color terms in English and Ukrainian: a linquistic-cultural aspect. RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching, 2015, no. 1, pp. 53–59. (In Russian).
5. Kul'pina V.G. Linguistics of color. Color terms in Polish and Russian. Moscow, Russkie slovari Publ, 472 p. (In Russian).
6. Eckstut A., Eckstut J. Secret language of color. Moscow, bombora Publ., 2021, 240 p. (In Russian).
7. Zhang L. Thing as a standard of colour: formation of non-basic colour names in Russian language. Nauchnyi dialog, 2019, no. 9, pp. 146–158. (In Russian).
8. Bergh G. The semiosis of Swedish car color names. Descriptive and amplifying functions. In: Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. Amsterdam, John Benjamins, 2007, pp. 337–346.

9. Casson R.W. Russet, rose, and raspberry: The development of English secondary color terms. Journal of Linguistic Anthropology, 1994, no. 4, pp. 5–22.
10. Griber Y.A., Paramei G.V., Mylonas D. Objects as culture-specific referents of color terms in Russian. Color Research and Application, 2018, no. 43(6), pp. 958–975.
11. Jones W. J. German colour terms: A study in their historical evolution from earliest times to the present. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2013, 677 p.
12. MacDonald L., Mylonas D. Edible color names. In: Proceedings of the AIC2010 Interim Meeting. Color and Food. Mar del Plata, Argentina, 2010, pp. 196–199.
13. Matschi M. Color terms in English: Onomasiological and semasiological aspects. Onomasiology Online, 2004, no. 5, pp. 56–139.
14. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture. Journal of visual culture, 2002, no. 1(2), pp. 165–181.
15. Mylonas D., MacDonald L. Online colour naming experiment using Munsell colour samples. In: Proceedings of the 5th European Conference on Colour in Graphics, Imaging, and Vision (CGIV). Joensuu, Finland: IS&T, Springfield, 2010, pp. 27–32.
16. Steinvall A. English colour terms in context. PhD thesis. Umeå University, 2002, 267 p.
17. Stoeva-Holm D. Color terms in fashion. In: Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. Amsterdam: John Benjamins, 2007, pp. 421–439.
18. Warburton D.A. Basic color term evolution in light of ancient evidence from the Near East. In: Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. Amsterdam: John Benjamins, 2007, pp. 231–248.